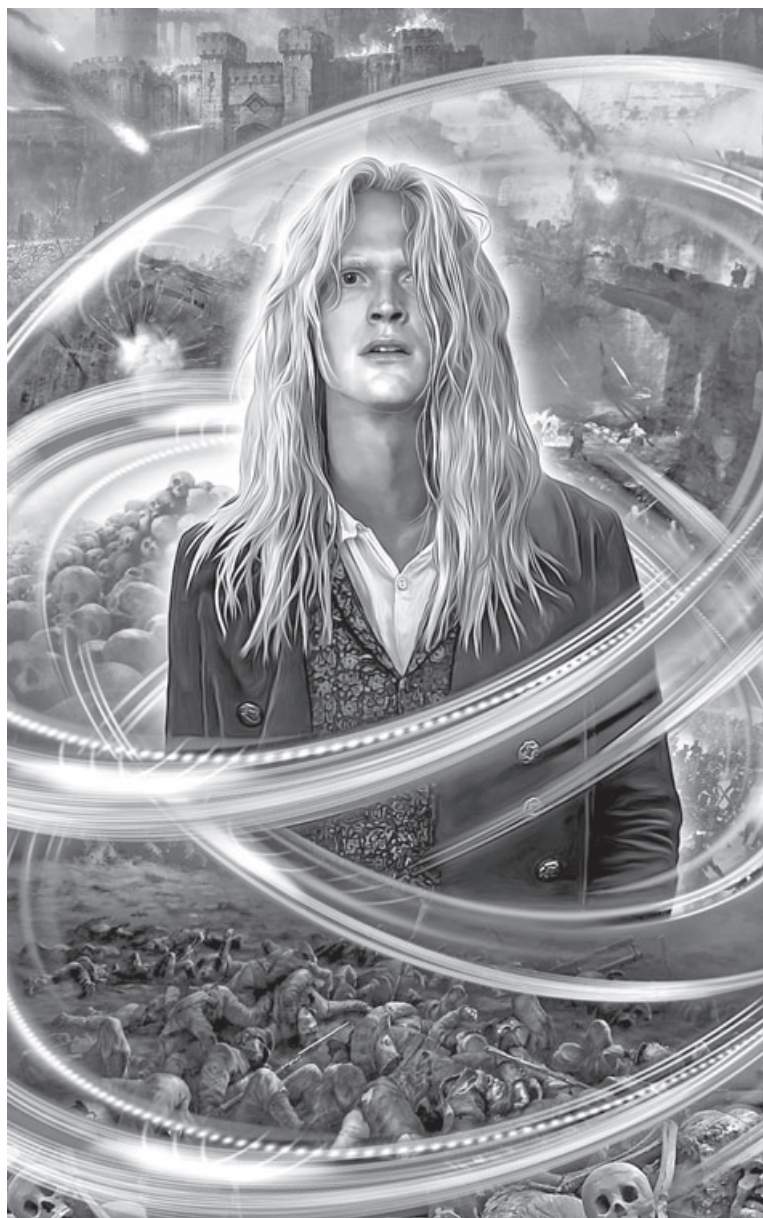

Ольга Валентеева

МОЙ ПЛЕННИК, МОЯ ЖИЗНЬ
КОРОЛЕВА ХОДИТ ПОСЛЕДНЕЙ

ПРОЛОГ

За окнами сыпал снег. Его не было видно в ночной мгле, но Айку Эйшу не требовалось видеть, чтобы знать. Он стоял, прислонившись лбом к холодному стеклу, и наблюдал, как мир вокруг становится белым. Особое волшебство природы, которая скрывает под покровом все ухабы и ямы, грязь, а иногда — следы чьей-то крови. Зима. Айк любил зиму, потому что весной видения будущего почему-то становились ярче и четче, а сейчас — только снег. Хотя разве? В левом крыле замка Эйшвил ссорилась служанка со своим воздыхателем. Она давно перешла на крик, а он слушал вполуха, зная — накричится, уgomонится, и можно будет получить свою порцию любви. Этажом ниже плакала девчонка-кухарка, потому что обварила руку и рука болела. Останься в замке его невестка-целительница, она помогла бы кухарке, но Амелинда навсегда покинула Эйшвил. Айк знал, что ее нога никогда больше не ступит на камни мостовой замка. И это к лучшему.

Надо будет утром послать за городским целителем. Пусть взглянет, потому что чужая боль отдавалась у Айка в висках. Стучала молоточками: тук, тук, тук. Невыносимо!

Из событий настоящего дар, как обычно, увлек в будущее. Надо бы сконцентрироваться на чем-то одном, иначе видения снова будут беспорядочными. На чем? На ком? Обычно Айк выбирал племянницу, Тиану. Было бы забавно наблюдать, как она растет, все больше становясь похожей на его погибшую сестренку. Но на этот раз не удалось зацепить образ Тианы. Вместо этого дар увлек куда глубже, чем хотелось бы Айку. Он узнал это место. Дворец короля Литонии.

Только новому королю Литонии было всего семь, он дурачился и гонял голубей в парке, а правила его матушка, будь она проклята во веки веков.

И все бы ничего, но дворец в видении Айка пылал. Он отвернулся, потому что от огня слепило глаза, и увидел, что улицы Самарина заполнены людьми в форме. И это не зеленая форма Литонии, не черная форма Изельгарда, а... синяя. Темно-синий цвет. Верания? Знаков отличия было не разглядеть, вот только люди в синем атаковали дворец, а его защитников осталось слишком мало. Литония пала... Никто не пришел на помощь.

— В чем причина? — вслух спросил Айк и вдруг явственно увидел ее, королеву Бранду. Как и семь лет назад, руки ее были в крови. Она смотрела на Самарин, а потом распахнула ворота города, чтобы враг мог войти. Вот в чем причина... Конечно, это не означало, что королева пригласила захватчиков. Нет, это был намек, что Бранда станет причиной грядущей войны.

— Жертвы? — спросил Айк — и пошатнулся. От железистого запаха крови заложило нос, заслезились глаза, а горы тел в зеленой форме клевали вороны. Нет!

Теплые ладони легли на плечи, вырывая из видения. Айка трясло, как и всегда, когда он видел смерть. Он слепо зашарил руками, стараясь вспомнить, где находится, потому что зрение возвращалось не сразу, а разорванные, искалеченные тела все еще стояли перед глазами.

«Что ты видел?»

Голос Аниты, как всегда, прорвался сквозь заслон дара. Точнее, как голос? Нита уже много лет была немой. Столько, сколько Айк ее знал, но благодаря магии он мог слышать девушку.

— Будет война, — прошептал он, позволяя обнять себя за плечи. Привычно прижался лбом к груди Аниты и замер.

«С кем?»

— С веранцами. И Верания победит. Если только...

«Что?»

Айк попытался зацепить ускользающее видение. А если королева умрет? Что тогда? Теперь он видел Бранду мертвой в окружении белых цветов. Рядом с гробом стоял маль-

чик, похожий на нее, и смутно знакомый мужчина. Он что-то говорил мальчишке, а затем повел его прочь. А война? Войны тогда не будет. Айк видел мирный Самарин, провожающий королеву в последний путь.

«Айк, не пугай меня!»

— Все хорошо, Нита. — Он обнял девушку, привлек к себе. — Все будет хорошо.

Она вряд ли поверила. Иногда Нита понимала его видения лучше, чем он сам, но сейчас не хотелось рассказывать подробности.

«Давай спать».

Да, спать. Сейчас это лучший выход. Айк позволил увлечь себя в спальню. Как раздевался, позднее помнил с трудом. Зато тепло Ниты дарило покой, которого так не хватало. Нита лежала рядом, перебирала его волосы, гладила по голове, по плечам. И становилось хорошо, лучше, чем когда-либо. У них сложились странные отношения. Кем была для него Анита? Ни сестрой, ни женой. Ни любовницей. Но единственным человеком, к которому Айк был привязан, не считая племянницы. Только Тиану он и вовсе видел последний раз полгода назад, а Нита — вот она, рядом. Живая, теплая. Родная.

«Спи».

— Сплю.

«И болтаешь?»

Айк тихо рассмеялся и послушно закрыл глаза. Но иногда видения не отпускали даже во сне. Он стоял на площади перед дворцом и видел, как бой идет прямо под стенами. Пали люди. Кто-то кричал, звал друга. Кто-то молился богам-покровителям, чтобы отвели беду. Отвели беду... Ни одно видение не приходило просто так, это Айк знал наверняка, но всегда предпочитал не вмешиваться. Пусть себе...

— А Изельгард? Король Осмонд? — спросил он неведомо у кого и увидел еще один королевский дворец, только восседал в нем старший брат Бранды. И ни один солдат не выдвинулся в сторону Литонии. Ни один.

— Жалкий трус.

Айк снова вернулся к королеве. Теперь она сидела у окна и смотрела, как гибнет ее народ. Спокойно, безучастно. От-

куда-то пришло понимание: если Бранда умрет, у Литонии будет шанс. Но как она может умереть? И Айк увидел чью-то руку. Окровавленный кинжал. Миг — и кинжал оказался в его собственной руке, а у ног лежала мертвая Бранда.

— Нет, — сказал он кому-то. — Я не хочу.

И голову пронзило болью. Такой болью, что Айк захлебнулся криком.

«Что?»

Анита тут же встрепенулась, прижала его к себе, пытаясь вызнать, что случилось. Айк не мог и не хотел объяснять, но разве Нита отступится? Нет, она допытывалась до последнего.

— Королева... Ее нужно убить, — ответил он скорее себе, чем ей.

«Шутишь?»

— Если бы, Нита. Или Литония падет.

«Почему? Есть ведь король Осмонд. Он придет на помощь сестре».

— Не придет. — Айк тихо рассмеялся, чувствуя, как безумие подступило ближе, коснулось коготками его души. — Никто не придет, Нита. Нынешний главнокомандующий Изельгарда — трус. Он убедит своего короля не вмешиваться в кровопролитный бой и отдать спорную территорию. Поделить Литонию с Веранией пополам. Понимаешь?

Нита покачала головой. Она была слишком далека от политики. Айк тоже, но и в Эйшвил доходили последние новости. Да и видения не оставляли вопросов. Изельгард не придет.

— Мне надо уехать ненадолго.

Стоило произнести это, и головная боль утихла, а Нита уставилась на Айку испуганными глазами, сжала его руки, словно стараясь удержать. Забавная она иногда. Особенно сейчас, растрепанная со сна, светлая, как летнее солнце, с веснушками на носу.

— А ты останешься здесь. — Айк не стал дожидаться вопроса. — Присмотришь за замком, больше никому. Это не продлится долго.

Он лгал. Если он уедет, скорее всего, они больше не встретятся. Не надо быть провидцем, чтобы это понимать.

«Нет, Айк. Я никуда тебя не пущу. А если уедешь, я еду с тобой».

— Хорошо, поговорим об этом утром.

Теперь Айк заставил Аниту лечь. Она долго ворочалась, но затем уснула. Пора! Он осторожно поднялся, вышел из комнаты и кликнул прислугу. Если служанка и удивилась, услышав приказ немедленно подготовить вещи к его отъезду, то ничего не сказала. Сборы получились быстрыми: предупредить управляющего замком, отдать распоряжения, проверить, все ли собрано, и... Наконец, самое сложное.

Айк на миг вернулся в спальню. Нита все еще спала — и улыбалась во сне. Ее светлые волосы разметались по подушке. Он осторожно коснулся их пальцами, поднес к губам.

— Люблю тебя, — шепнул на ухо и вышел из комнаты. Час спустя Айк Эйш покинул замок, направляясь в столицу.

ГЛАВА 1

Нук Вейс

Королевский дворец Изельгарда всегда казался мне излишне помпезным. Ему лучше всего подходило емкое слово «слишком»: слишком много позолоты, слишком ярко, слишком напыщенно, слишком... Но я не мог в нем не бывать, не смотря на то что само здание, как и те, кто обычно наполнял его коридоры, вызывали тошноту. Наверное, потому, что я слишком много знал — и об этом дворце, и о придворных, и о самом короле Осмонде. И это знание не добавляло симпатии. Но сегодня его величество жаждал меня видеть, и я не имел права отказать.

Именно поэтому и шагал по полупустым коридорам — мало кто из придворных просыпался в столь ранний час. А Осмонд не желал, чтобы у нашей встречи были лишние свидетели.

— Его величество уже проснулся? — поймал я слугу.

— Да, дэй Вейс, — поклонился тот. — Я доложу, что вы уже прибыли. Ожидайте.

Ожидайте... Это могло растянуться на несколько часов, но я привык ждать. В приемных, в засаде, во время какой-либо замысловатой операции. И теперь несколько лишних минут ничего не значили. Однако, видимо, повод действительно был серьезный, потому что не прошло и четверти часа, как меня пригласили в кабинет короля.

Сам Осмонд сидел за столом — широкоплечий, коренастый. Его квадратный подбородок скрывала густая борода, темные брови хмурились, а в светлых глазах не читалось ни-

чего хорошего. Я поклонился и замер, ожидая, пока король заговорит первым.

— Рад, что нашли время посетить нас, дэй Вейс, — загрохотал низкий голос.

— Я предан моему королю, ваше величество, — ответил спокойно. — Вы желали видеть меня, и я перед вами.

— Ценю. — Осмонд угрюмо усмехнулся. — Присаживайтесь, дэй Вейс, разговор будет долгим.

Кажется, сейчас мне навесят очередное поручение, и оно мне не понравится. Но я занял кресло напротив короля, присел на самый край. Привычка, так можно быстрее вскочить, чтобы защитить свою жизнь. Приходилось не раз, еще не раз придется. Надеюсь, что не сейчас.

— Пришли новости от вашего отца из Литонии. — Осмонд постучал по столу пухлым конвертом. — Обстановка накаляется, а моя сестра Бранда пустила все на самотек. Прочтете?

Я протянул руку, затянутую в жесткую перчатку.

— Все так же не снимаете перчатку, дэй Вейс?

Чаще всего да. Надоели взгляды, вечно прикованные к моей обезображенной кисти. Что в этом такого? Да, за предпоследнюю Изельгардско-Литонскую войну я заплатил пальцем. И что с того? Хорошо не жизнью. Судьба миловала меня и давала шанс за шансом. Иногда удавалось ими воспользоваться, иногда — нет. Тогда, в Литонии, удалось, и я вернулся домой живым, но с тех пор живу на две страны. Слишком много дел удерживало меня в Литонии.

Кажется, я ничего не ответил Осмонду. Не помню, потому что сразу принялся читать. Мой приемный отец писал, что знать бунтует. Не всех устраивает молодая королева и ее малолетний сын. Люди уверены — Бранда действует в интересах Изельгарда, а не Литонии. Я знал, что это не так, но разве с кем-то делился своими соображениями? С Брандой мы не сталкивались. Точнее, я-то наблюдал за ней достаточно часто, как и мои люди, но прямого приказа войти в окружение королевы от Осмонда не поступало. А главе разведки не обязательно знакомиться со всеми, за кем он присматривает.

— Видите, дэй Вейс? Ситуация в Литонии внушает мне опасения.

Я тоже получил письмо от отца этим утром, куда более подробное. Так что не новость...

— Какие будут поручения, ваше величество? — уточнил я.

— Поручения? — Осмонд потеревил темную бороду. — Как всегда, зрите в корень, дэй Вейс. Поручения будут. Поезжайте в Литонию. Я напишу для вас рекомендательные письма моей сестре Бранде. Займите должность начальника охраны при королеве, следуйте за ней по пятам и доложите мне, действительно ли ситуация так плоха и не заключает ли Бранда договоры с другими странами за моей спиной.

Снова в Литонию. На этот раз надолго.

— Слушаюсь, ваше величество. — Я наклонил голову. — Когда мне отправляться?

— До завтрашнего утра бумаги будут готовы. Их передадут вам, и можете ехать. Стоит ли напоминать, что вы должны держать язык за зубами?

— Не стоит оскорблять меня подозрениями, ваше величество.

Осмонд жестко усмехнулся. Да, сейчас я едва не перешагнул через черту этикета, но сказал именно то, что хотел сказать.

— Ступайте, дэй Вейс. Счастливого пути.

И он махнул рукой, отпуская меня на все четыре стороны. У меня были всего сутки, чтобы привести в порядок дела и отдать распоряжения людям на местах. Не в первый раз. Привычный механизм, потому что уезжал я часто. И уже к вечеру все инструкции были доведены до сведения подчиненных, вещи собраны, а я стоял у окна и наблюдал, как загораются вечерние огни. Столица готовилась к празднику. Приближалась седьмая годовщина взятия Самарина войсками Изельгарда — этот день праздновался как дата окончания войны между Изельгардом и Литонией. Что ж, был еще один визит, который хотелось нанести в этот вечер. Поэтому я вызвал экипаж и поехал к знакомому особняку.

В нем жил мой старинный приятель, герой последней войны Эрвинг Аттеус. Точнее, как жил? Появлялся раз в

году, так как королям не отказывают. Мы виделись редко, чаще писали друг другу, потому что Эрвинг заперся в своем родовом замке и редко показывал оттуда нос, а я все время был в разъездах. Но из-за празднеств ему пришлось приехать в столицу, так зачем упускать повод увидеться?

Экипаж остановился. Прислуга знала меня в лицо, поэтому в особняк пропустили без лишних слов, а затем провели в знакомую большую гостиную.

— Подождите несколько минут, — попросил слуга. — Мы доложим о вашем визите.

И снова ждать? Я для вида кивнул, а сам тайком пошел за слугой. Он даже меня не заметил. Что ж, это была способность, нажитая за годы службы. А слуга поднялся на второй этаж и уже собирался постучать в двери тренировочного зала, когда я опустил руку ему на плечо и приложил палец к губам. Понятно, Эрвинг тренировался. Проверим, не потерял ли полковник Аттеус боевую хватку.

Я бесшумно приоткрыл дверь. Как и ожидал, Эрвинг кружился с мечом. Меня всегда поражала его тактика боя. Я был не настолько ловок с мечами, из оружия я предпочитал кинжал или, на худой конец, кастет, а Эрвинг управлялся с мечом так, будто родился с ним в руках. За тот год, что я не видел друга, он ничуть не изменился: все то же суровое лицо, острый взгляд черных глаз, стянутые на затылке волосы. Эрвинг делал выпад за выпадом, а я тихонько подкрался сзади и попытался проделать тот же фокус, что и со слугой — опустить руку на плечо. Вот только не успел, потому что Эри резко обернулся, и острие меча уперлось мне в грудь.

— Сдаюсь! — Я примиряюще поднял ладони.

— Никогда ко мне не подкрадывайся, — усмехнулся Аттеус, — а то зашибу ненароком.

— Да ладно, можно подумать, ты стал хуже контролировать меч. Здравствуй, брат.

И протянул Эрвингу руку. Тот передал меч слуге и ответил на рукопожатие:

— Здравствуй. Мы ждали тебя только завтра.

— Увы, завтра меня уже не будет в Изельгарде, поэтому решил заглянуть перед тем, как отправляться в путь.

— Снова отправляют в Литонию? — Эрвинг сразу нахмурился. Его связывали с Литонией не лучшие воспоминания.

— Да, дружище. Его величество считает, что за королевой Брандой необходимо присмотреть. И, судя по всему, опасения оправданны, поэтому я уезжаю.

— Жаль. Дети расстроятся. Они надеялись напроситься к тебе в гости.

— И где же мои любимые племянники?

Хоть Эрвинг и не был мне братом по крови, война связала нас иными узами братства.

— Дядя Ник!

Легки на помине. Первой до меня домчалась Тиана. Приемная дочь Эрвинга была светленькой, как одуванчик, и такой же воздушной. Она повисла у меня на шее, а я подхватил ее на руки. Эдгар опоздал на пару мгновений и теперь обиженно насупился. Он был копией отца — черноволосый, черноглазый, бойкий. И влюбленный во все, что колет и режет. Младший сын, мой тезка Ники, был на два года младше брата с сестрой и глядел на меня настороженно. Но по примеру старших тоже подошел. У него были тепло-карие глаза матери. И сама дейра Аттеус тоже появилась в дверях.

— Ник! — Она радостно улыбнулась. — А мы думали, ты заглянешь завтра.

Материнство сделало Амелинду мягче. Особенно когда появился на свет младший сын. Когда родился старший, она до конца не понимала, что происходит, и не осознавала приближающегося счастья. С Ники все было по-другому. Да он и рос другим — более вдумчивым и скрытным.

Эмми замерла рядом с мужем, пока я здоровался с детьми. Когда я видел Эрвинга и Эмми рядом, иногда начинал сожалеть о принятом решении никогда не создавать семью. Но с моей профессией я мог отвечать только за себя. Это и помогало выжить в многочисленных передрыгах.

— Поужинаешь с нами? — спросила Амелинда.

— Не откажусь, — с охотой согласился я, вспомнив, что как раз об ужине и забыл.

— Тогда прикажу накрывать на стол. Дети, быстро мыть руки!

Детвора нехотя послушалась. Еще бы они попробовали спорить с матерью! А мы с Эрвингом остались вдвоем.

— Идем, — пригласил он, — подождем в гостиной. Здесь, правда, не мой замок, и Лайза с нами не приехала, поэтому придется довольствоваться искусством местного повара.

— Какое несчастье, — усмехнулся я. — А на самом деле я хотел с тобой поговорить, брат. Ты знаешь Бранду Литонскую лучше меня. Что она за человек?

Когда-то у Эрвинга с Брандой был бурный роман, но это давно осталось в прошлом. Тем не менее Эри действительно мог что-то мне подсказать.

— Бранда — женщина сложная. — Он пожал плечами. — Мы давно не виделись, но не думаю, чтобы она сильно изменилась. С ней стоит быть осторожным, Ник. Илверт стоял у нее на пути, и где теперь Илверт?

На том свете. Ее величество лично воткнула кинжал в тело супруга.

— Впрочем, ты ведь пробыл в Литонии дольше моего, — продолжил Эри, когда мы вошли в гостиную. — Должен сам знать.

— Я-то знаю, но мы не сталкивались близко. Осмонд считает, что Бранда ведет игру за его спиной.

— Она может, но не уверен, что это плохо.

— Слышал бы тебя его величество.

Эрвинг с горечью усмехнулся. Да уж, Осмонд никогда и никого не слушал. И пока они с Эри придерживались нейтралитета: ровно до тех пор, пока Аттеус оставался у себя в замке и приезжал в столицу раз в году.

— Ты сам-то как? — решил я сменить тему. — Как детвора?

— Сам видишь, все благополучно, только...

— Что?

Эрвинг взглядом указал за свое плечо. Он, как всегда, почувствовал приближение детей раньше, чем они появились. А из-за двери виднелись две маленькие тени. Понятно, Эд и Тиа. Они воистину были неразлучны, как настоящие двойняшки.

— А подслушивать нехорошо, — громко сказал я, и две виноватые мордашки возникли в дверном проеме.

— Мама сказала, чтобы мы вам не мешали, — тут же выдала Тиана.

— Вы нам не мешаете. — Эрвинг похлопал рукой по дивану рядом с собой, и сын тут же сел с отцом, а Тиа забралась ему на руки. — Тиа, покажи-ка дяде Нику наш секрет.

— А ему можно? — Девочка сделала большие глаза.

— Ему — можно, и никому больше.

Что за секрет такой? А девочка вытянула вперед узкую ладошку, и над ней зависла магическая искра. Алая магическая искра, чтоб мне провалиться!

— Боевая магия? У девочки? — Я удивленно уставился на Атгеуса.

— Да.

Понятно, почему мой друг невесел. Он сам не владел магией, а Эмми была целительницей. Зато у Эда еще год назад появились задатки к стихийной магии, и вот теперь Тиа. Что поделать, если ее настоящий отец был боевым магом. Но ведь тип магии — дело не наследственное. Тогда почему?

Искра исчезла, а Тиана уставилась на меня.

— Ничего себе! — Я изобразил полнейший восторг. — Но твой папа прав, никому больше не показывай. Люди будут тебе завидовать, а это нехорошо.

И не только завидовать... А использовать в своих целях, учитывая, как мало магов в Изельгарде.

— Я за последний год изучил о магии все, — сказал Эрвинг. — Но мало помогло. Хорошо, хоть Эмми знает, что с этим делать.

Да уж, история та еще. Но в комнату вошла Эмми, и Эрвинг замолчал, вроде мы разговаривали совсем о другом. Нас пригласили в столовую. Хорошо все-таки иногда почувствовать себя в кругу семьи! Дети наперебой рассказывали о своих маленьких, но очень важных для них достижениях и проблемах. Эд летом грохнулся с дерева и теперь с гордостью распинался, как мама два дня лечила его ногу. Тиана хвасталась, какие у нее куклы дома. Ники, и тот принялся рассказывать о своем щенке. Счастливая большая семья. То, чего у меня никогда не будет. И я был счастлив, что могу хоть изредка почувствовать себя где-то своим. Почувствовать, что мне рады.

Домой я вернулся за полночь. Пообещал Эрвингу написать, как доберусь в Литонию, а дети тут же взяли с меня слово, что привезу им подарки. Провожали меня всей семьей, и на сердце все еще было тепло. Впервые мне не хотелось уезжать из Изельгарда. Почему-то казалось не по себе, как перед предыдущей Изельгардско-Литонской войной, которая обернулась пленом. Но я не верил предчувствиям, потому что не был магом. Это просто возраст... Чем старше становишься, тем тяжелее прощаться с домом и тем меньше тянет куда-то за горизонт. Хотя какие мои годы?

Вещи были собраны. Я думал выехать поутру, но потом понял, что спать не хочется, поэтому приказал готовить коня. Пробило третий час ночи, когда выехал за ворота столицы. А впереди ожидало несколько недель пути — и Литония.

ГЛАВА 2

Бранда

В Литонии почти всегда то идет снег, то льет дождь. Сейчас небо тоже хмурилось, и я гадала, чего ожидать от ноября — дождя или сразу снегопада? Или того и другого? За семь лет привыкла, конечно, и начинало казаться, что иначе и быть не может. Только вот так — с серым хмурым небом и неласковой природой. А ведь когда-то было иначе. Сейчас Изельгард казался сном. Добрым старым сном из детства, когда нет обиды и злости и кажется, что тебя окружают только хорошие люди. Но детство быстро прошло и закончилось в тот день, когда я стала королевой Литонии.

С возрастом поняла — изначально к этому и шло. Осмонд понимал, что войска Изельгарда и Литонии неравны, и лишь поэтому Литония решилась выступить против нас. Понимал — и бросал в гущу боя человека, которого я любила. Мы оба надеялись на чудо: и брат, и я. Только цели у нас были разные. Мне хотелось стать женой Эрвинга Аттеуса, Осмонду — доказать непокорной Литонии, что Изельгард способен победить даже в неравном бою. Не доказал, и я стала залож-

ницей короля Илверта. Год нашего брака вспоминался сумбурным страшным сном. Илверт ненавидел меня, и не скрывал этого. Все, чего он хотел, — чтобы родила как можно больше детей, поэтому позвал в свою постель, когда наш сын был совсем еще крошкой. Но я тоже не была глупой и пила отвары. Наследника король уже имел, на этом хватит.

А затем Изельгард все-таки победил. Ночами мне до сих пор снился Илверт. Его чуть удивленное лицо, когда всадила ему в грудь кинжал. Некрасиво изогнутые губы, пальцы, вцепившиеся в подлокотники трона. И капельки крови, постепенно окрашивающие одежду в торжественно алый. После таких снов всегда хотелось чего-то... Того, чего у меня никак не могло быть. Покоя. Слово горчило на губах, когда произносила его по-изельгардски. А вот по-литонски звучало очень даже неплохо. По-кой. Покатала на губах. Да, хорошо.

— Вы грустны, моя королева.

Ах, да, совсем забыла! Юный Мартин Фейн — мой очередной фаворит. Все достоинства Марти заключались в хорошенькой мордашке. А еще мне нравились его пушистые золотые волосы, но в постели с ним было скучно, и я уже подумывала, на кого другого сменить этого пустоголового мальчишку. Пустышка, шут, у которого внутри никогда не будет ничего больше нарядов и пиров. Тьфу.

— Погода не радует, — решила все-таки ответить.

— Может, я сумею развеять вашу тоску? Например, хотите, исполню балладу, которую написал для вас?

— Обойдусь.

Только баллады мне и не хватало. А вот Марти, похоже, оскорбился в лучших чувствах, потому что повесил нос.

— Ступай, я хочу побыть одна.

Еще мне тратить время на его угрюмую физиономию! И так настроение оставляло желать лучшего. Мартин поклонился и вышел из гостиной, а я снова вернулась к созерцанию дворцового парка. Ноябрь близился к концу. А с неба все-таки сорвались белые снежинки, больше похожие на крупу для кур.

— Мама!

Я вздрогнула и обернулась. Маленький Илверт проказливо шмыгнул в комнату и вцепился в мою юбку. Он был

очень похож на мужа: некрасивый, нескладный ребенок, чернявый, с острым, хищным носом и живыми карими глазами.

— Смотри, что я тебе принес.

И Ил протянул мне большую шоколадную конфету в яркой обертке. Конфета подтаяла в детской ручонке и потеряла форму, но в глазах сына было столько радости и любопытства, что я взяла ее двумя пальцами.

— Где твои воспитатели? — спросила я сурово. Почему король бегаёт по дворцу без присмотра?

— Я от них сбежал! — гордо заявил мальчишка.

— А зачем?

— Хотел к тебе, — признался он. — А воспитатели не пустили. Сказали, ты занята государственными делами.

— Они были правы, Илверт. Не годится королю огорчать своих наставников и вести себя, как...

Как ребенок. Самый обычный ребенок, который слишком редко видит свою мать. Но я не могла переступить через себя и признать это.

— ... как какой-то голодранец, — закончила фразу.

— Но мама...

— Где подобающее обращение? Ты совсем не слушаешь, о чем говорят воспитатели? Может, мне приказать их выпороть за то, что ты ходишь один?

— Не надо, ваше величество.

Ил опустил голову, а мое сердце кольнуло чувство вины. Он не виноват, что я ненавидела его отца. Не виноват, что стал королем ненавистной мне страны. Ил всего лишь мальчишка. Я слишком многого от него хочу.

По бледным щекам покатались слезинки — одна, еще одна.

— Это еще что такое! — Я уставилась на него. — Немедленно прекрати реветь.

— Я... Да я... Прости... те...

И залился слезами. Я вздохнула, отложила конфету и опустила перед ним на колени, заставила себя обнять сына за плечи и привлекла к себе, погладила по жестким волосам.

— Ну что ты, глупый, — прошептала на ушко. — Так нельзя, милый. Ты еще на совете разревись.

— На совете не буду. — Сын уткнулся в шею мокрым носом. — Прости.

— Ничего. А теперь ступай, скоро начнутся занятия.

В двери постучали, и на пороге появились те, кого мы только что вспоминали, — воспитатели моего сына. Оба имели виноватый вид. Еще бы! Король Литонии бегаёт сам по дворцу. Мало ли кто может обидеть ребенка.

— Просим прощения, ваше величество. — Воспитатели слаженно поклонились. — Юный король...

— Юный король должен находиться под вашим неусыпным присмотром, — отрезала я. — И если вы не можете его обеспечить, тогда зря занимаете свою должность. Пошли вон, оба, чтобы больше вас во дворце не видела.

— Но мама! — возмутился Ил. — Я же сам убежал.

— Ты — король и можешь делать все, что вздумается. Они отвечают за твое благополучие. Ты слишком ценен для меня, мой мальчик. Ступай. Проводите его величество в его покои, а потом убирайтесь.

Воспитатели, бледные, как снег за окном, поспешили выполнить поручение. Еще бы, лучше вылететь из дворца, чем попасть в застенки. Я снова осталась одна, но в приоткрытую дверь протиснулась голова любимой собаки. Кассия подошла ко мне, ожидая, пока поглажу по большой умной голове. Я огляделась в поисках, чем угостить собаку, и увидела забытую конфету. Сняла обертку и кинула ей:

— Лови!

Конфета в один миг исчезла в широко раскрытой пасти, и Кассия довольно облизнулась.

— Вон! Пошла.

Умнейшее животное. Сразу развернулась и поспешила исчезнуть с глаз хозяйки. Итак, на чем я остановилась?

— Ваше величество...

Да закончится это паломничество в мои покои?

— Докладывайте, лер Сайден, — приказала начальнику охраны.

— К вам посланец из Изельгарда.

Посланец? От Осмонда? Очередные инструкции? Как же это злит!

— Пусть войдет.

Я не ожидала ничего хорошего. К чему? За те годы, пока фактически правлю Литонией, брат так и не понял, что я не собираюсь до конца дней быть его марионеткой. Да, сейчас для меня выгодно находиться за широкой спиной Изельгарда, но так будет не всегда. И зачем Осмонд прислал ко мне кого-то? Во дворце и так хватает его шпионов.

В комнату вошел молодой мужчина. Его лицо показалось мне смутно знакомым. Может, где-то и виделись. Или же нет? Для изельгардца он был слишком светлым: блондинистые волосы, не длинные, как носили в Изельгарде, а чуть прикрывавшие шею, большие глаза — серо-голубые, как лед по весне, и такие же холодные. Упрямый подбородок, насмешливый изгиб тонких губ. По внешности сказала бы, что веранец, но брат не доверял представителям соседних держав. Значит, все-таки его родина — Изельгард... Внимание привлекли руки, затянутые в черные перчатки вопреки этикету. Что он себе позволяет?

— Ваше величество. — Мужчина поклонился.

Ему могло быть как двадцать пять, так и тридцать пять. Эдакое лицо, которое не говорит о возрасте, и то, что он старше, чем кажется, выдавали лишь чуть опущенные уголки губ и едва заметная складка меж бровей.

— Добрый день, лер. Рада видеть в Литонии посланника моего венценосного брата. С чем пожаловали?

Посланец склонил голову, протягивая запечатанное письмо. Я вскрыла конверт и достала сложенный вчетверо листок.

«Возлюбленная сестра наша, — узнала мелкий, убористый почерк брата, — до нас долетели вести, что в Литонии не все спокойно. Мы беспокоимся о вашей здравии и благополучии нашего племянника Илверта. С этой целью отправляем к вам Ника Вейса — надежного и храброго человека, хорошо зарекомендовавшего себя в последней войне. Дэй Вейс владеет любыми видами оружия, а также имеет множество неоспоримых достоинств, в чем вы можете убедиться. Поэтому надеемся, что вы благосклонно примете его в качестве личного телохранителя, который будет головой отвечать за вашу безопасность. Его величество Осмонд, король Изельгарда».

Личным телохранителем? Вот этого? Я взглянула на лера Вейса иными глазами. Похоже, на этот раз ко мне прислали надсмотрщика высшего уровня. Не принять — значит оскорбить брата. Принять — сразу согласиться с тем, что рядом со мной постоянно будет шпион, который станет докладывать в Изельгард о каждом сказанном слове. Увы, выбора у меня не было. Я закусила губу, стараясь ничем не выдать своего негодования и злости.

— Благодарю за доставленное послание, лер Вейс, — наконец сказала, неслучайно избрав именно литонское обращение. — Известно ли вам, что в нем?

— В общих чертах, ваше величество, — ответил тот. — Его величество Осмонд поручил мне обеспечить вашу безопасность, пока не минуют смутные времена.

— Мне приятно, что брат так заботится обо мне и юном короле. Но это, право, лишнее. Моя охрана надежна. Это люди, которым можно доверять.

Специально сделала ударение на слове «можно», подчеркивая, что уж самому Вейсу точно доверять не собираюсь.

— Понимаю, ваше величество, но разведка Изельгарда не ошибается, и в вашем окружении есть люди, которые могут причинить вред не только вам, но и королю Илверту.

Королю Илверту, тьфу!

— Моя задача — найти их и наказать, а также сберечь вас от любых угроз.

— Хорошо, допустим. — Жаль, не так легко понять, что за человек этот Вейс и по каким правилам с ним играть. — Я напишу брату, как благодарна за его заботу. Но в моей личной страже нет мест.

— Я получил четкие распоряжения, ваше величество, — отрезал Вейс. — И поверьте, выполню их полностью.

Гаденыш! Смотрит, едва заметно улыбается, будто это он тут король. И самое скверное, что ничего не могу с этим сделать. Ни-че-го. Отошлю обратно в Изельгард, Осмонд разозлится, а мне ни к чему его злить. Да чтоб он провалился!

— Что ж, вы меня убедили, — сказала я милостиво. — Сегодня отдыхайте и осматривайтесь, я прикажу отвести вам комнату. И подойдете к начальнику охраны, он составит для вас график службы...

— Мне не нужен график, — невежливо перебил Вейс. — Приказ моего короля: быть с вами ежеминутно.

— Что, и в постель меня укладывать будете? — Я едва не подскочила с кресла.

— Если понадобится, то буду. — Вейс даже глазом не моргнул. — Не сочтите за наглость с моей стороны, это единственный выход, который вижу.

— Ступайте. Завтра с утра жду вас.

— Благодарю, ваше величество, — поклонился Вейс, а я вызвала слугу и приказала подготовить комнаты для нового телохранителя. Будет он меня укладывать!

Вейс вышел, а я с силой ударила кулаком по ручке кресла. И что ты будешь делать? Был только один вариант — выжить Вейса отсюда. Пусть пишет в Изельгард, Осмонду, куда угодно или сбежит, его никто и искать не будет, но и я не стану терпеть открытый шпионаж. Мерзость!

Куда бы его отправить с глаз долой? В том-то и дело, что некуда. Стоило выйти из комнаты, как меня окружили фрейлины.

— Ваше величество, вы бледны, — заохали они. — Дурно спали в эту ночь? Видели нехорошие сны?

— Да, — ответила я. — Один крайне нехороший сон — пса, который намеревается укусить. Вот только во сне я лишила его зубов.

— Это к удаче, ваше величество, — затрещали девицы. Пустоголовые курицы! И, как и Вейс, неистребимы. Королеве положены фрейлины, и я приближала тех, чьи семейства могли мне пригодиться. И кто виноват, что половина из них — просто мебель?

— Хочу побыть одна, все вон! — приказала им. Действительно хотелось отдохнуть. У меня был один способ отдыха. Когда все ушли, села к столу, взяла чистый лист и вывела: «Дорогой Э., в Литонии зима никак не начнется. Сегодня вместо снега с неба сыплется крупа, и это совсем не радует. Я вспоминаю, как мы с тобой проводили зиму тогда в Изельгарде. Ты пробирался ко мне, и мы сидели у камина до самого утра, болтая о всякой чепухе. Мне так этого не хватает. Мне тебя не хватает. Нет, ты не подумай, я по-прежнему не претендую на место в твоём сердце, но, бывает, так хочется с кем-то

поделиться внезапной мыслью, или шуткой, или даже какой-то глупостью, а никого нет. Никого, представляешь? Для меня война продолжается по сей день. И призрак Илверта все еще где-то здесь, в этих коридорах. В непогоду он мне снится. Стоит с кинжалом в груди и таращится пустыми глазницами. И страшно спать, и жить страшно. И хочется сдаться, но не могу. Я никогда не была слабой, нечего и становиться. А брат снова прислал шпиона. Ты бы оценил. Даже скрывать не стал, что приставляет надсмотрщика. Думает, это поможет? Я далеко не так глупа и не собираюсь быть его пешкой. Марионеткой на троне. Это моя страна, нравится мне это или нет. Моя, понимаешь? Она принадлежит моему сыну. А Осмонд... Осмонд пусть занимается Изельгардом. Ты бы меня осудил, наверное. Хотя разве ты когда-то меня осуждал? Вот и сейчас не стал бы. Жаль, у тебя не попросишь совета. Ты знал бы, что делать, а я не знаю. Прости, что снова пишу, но так легче. Кажется, будто ты где-то рядом и действительно можно с тобой посоветоваться. Глупо, все-таки глупо. Да ладно, пусть так. Я буду сильной, обещаю. Бранда».

Перечитала письмо, сложила несколько раз — и бросила в камин, как и всегда. Я никогда бы не решилась написать Эрвингу. Мои люди в Изельгарде сообщали, что он женат и счастлив, а кто я такая, чтобы мешать его счастью? Нет, я больше его не любила, но в сердце осталась дыра. Большая, размером с луну. А Эрвинг был мне единственным другом, и мне его не хватало. Письмо горело быстро и весело. Я улыбнулась. Через час начинался совет, надо переодеться и сменить прическу. Советники, конечно, ослы, но и с ними надо найти общий язык. Я все равно их переиграю.

ГЛАВА 3

Ник Вейс

Ненавидел ли я Литонию? Когда-то да. Когда попал в плен и думал, что умру. Когда видел, как гибли мои товарищи. Но мне повезло. На моем пути встретился человек, протянувший руку помощи. Лер Ибрахим Мейр. Мой хозяин.

Когда после позорной казни нас всех сделали рабами, я ждал худшего. Сначала мелькали мысли о том, чтобы покончить со всем раз и навсегда. Смерть виделась лучшим выходом. В пути мне было слишком плохо, чтобы решиться: раны вызвали жар, и я шел вперед только стараниями Эрвинга Аттеуса. Но после казни сознание прояснилось. Я понимал, что меня ждет. Да, жизнь сложно упрекнуть в том, что она гладила меня по голове. Такого не было никогда, и я привык ожидать худшего. Но со связанными руками сложно найти какие-то варианты, а когда попытался бежать, меня просто спеленали, как младенца, и в таком виде доставили в дом лера Мейра.

Он был уже стар. На момент начала Литонской войны ему как раз исполнилось шестьдесят восемь, а сейчас и вовсе перевалило на восьмой десяток. Прямой, как палка, строгий, с колким взглядом глаз-буравчиков, лер Мейр казался мне воплощением всего, что я ненавидел в Литонии. Я заранее проклинал его за мою судьбу, а он вдруг приказал:

— Умыть, переодеть, накормить. А вам, молодой человек, советую не делать глупостей. Мне не хотелось бы сажать вас на цепь.

В том, что он мог, я не сомневался. И потом привык сначала хорошо разведать ситуацию, а потом уже принимать решения. Поэтому с наслаждением вымылся, никого не придушив, переоделся в чистое и наелся досыта. Кто знает, когда теперь удастся.

Лер Мейр ждал меня в гостиной своего столичного особняка. Я замер перед ним и ждал, что вот-вот он прикажет меня избить, пытать или еще что-нибудь, но он приказал:

— Садитесь, молодой человек. Нас ждет долгий разговор.

Я присел на краешек кресла и уставился на него.

— Итак, ваше имя...

— Ник, — ответил я.

— Хорошо, Ник. Меня, как вы поняли, зовут Ибрахим Мейр. И отныне нам придется какое-то время существовать в одном пространстве. Оба мои сына погибли в этой войне, не оставив наследников. Скажите, есть ли кто-то, кто ждет вас в Изельгарде?

— Нет, — ответил я.

— Ни родителей, ни жены?

— Нет.

— Это к лучшему, — непонятно чему кивнул старик. — Выслушайте меня, Ник. И предупреждаю сразу: попытаетесь кому-то передать содержание нашего разговора, выменять на привилегии или свою свободу, вам никто не поверит, потому что вы — враг и раб, а я — уважаемый человек, не раз доказавший преданность Литонии и отдавший ей самое ценное, что у меня было. Своих детей.

Я уставился на него. Редко в моей жизни случались ситуации, когда понятия не имел, чего ждать. А в ту минуту казалось, что он шутит надо мной, ведет какую-то свою игру. Я ожидал удара, а его не было.

— Многие винят Изельгард в случившемся, — продолжил Мейр. — А я скажу, что вины изельгардцев в этом нет. Войны развязывают короли, а не люди. Это короли никак не могут разделить границы. Это короли меряются войсками и оружием, а жизнями платят другие люди. Илверт. Вот кто виноват в гибели моих детей. Илверт, который призвал их на войну, хотя младший по возрасту еще не должен был туда идти. Получается, у нас с вами один враг, Ник.

Я молчал. Потому что не верил собственным ушам.

— Я готов предложить вам сделку. Мне нужен человек, способный связаться с Изельгардом. Вы способны на это, Ник?

— Да, — ответил я.

— Замечательно. Я хочу, чтобы Илверт заплатил. И вам, и мне. И если мы договоримся, это случится. А если вы будете делать глупости, молодой человек, я превращу вашу жизнь в пытку.

Так и состоялось мое знакомство с человеком, которого теперь с гордостью называл отцом. И к которому спешил, оставив королевский дворец. Уже с завтрашнего дня я глаз не спущу с Бранды, но сегодня мне хотелось видеть Мейра, обсудить с ним задание короля Осмонда и последние события в Литонии. Его мудрый совет не раз помогал мне за эти годы. Если бы не Мейр, я бы не выкарабкался.

Особняк отца тонул в полумраке, лишь несколько окошек светилось на хозяйской половине. Значит, он уже отпустил слуг и работает.

— Лер Вейс, — встретил меня старый слуга. — Доложить о вас?

— Не надо, я сам, — заверил его и поспешил вверх по лестнице. Из-под двери кабинета лился свет. Я постучал.

— Входите, — раздался знакомый скрипучий голос.

— Здравствуй, отец. — Я замер на пороге.

— Ник! — Старик Мейр резко поднялся, свалив кипу бумаг, и я, подхватив их в полете, вернул обратно на стол. — Давно не виделись, мой мальчик.

— Давно. — Я позволил старику прижать меня к груди. — Но теперь я приехал надолго. Так что видеться будем чаще.

— Знал бы ты, как я этому рад, — ответил Мейр. — Присаживайся. Голоден? Может, разбудить прислугу?

— Не надо, я уже поужинал. А ты все работаешь?

— В старости слишком большая роскошь тратить много времени на сон. — Отец усмехнулся. — Я будто краду его у жизни. Нет, мой мальчик, рано ложиться не для меня. А ты с чем приехал? Поделишься со стариком?

— Осмонд отправил меня следить за Брандой. Назначил ее личным телохранителем, рекомендовал отдать мне пост начальника охраны. Одним словом, хочет убедиться, стоит ли ей все еще доверять, либо пора поставить сестру на место.

— Бранда — та еще штучка. — Мейр качнул головой. — Помню, как я радовался смерти Илверта. Но скажу тебе, королева тоже больше думает о себе, чем о народе. Меняет мужчин, тратит деньги из казны. И ищет сильных союзников. Тебе действительно стоит присмотреться к ней, Ник. Твои молодые глаза заметят больше, чем мой стариковский взгляд.

— Я уже успел составить первое впечатление, и не скажу, что оно положительное.

— И ты прав. Но что же мы тут сидим? Давай хотя бы перейдем в гостиную. Расскажешь, как жил эти месяцы, в письмах же всего не напишешь. Как Осмонд, скрипит?

Пока мы шли по коридору, я рассказывал о последних своих заданиях, о визите к Эрвингу, подозрениях Осмонда.

С Мейром было легко говорить, но я не сразу смог ему довериться. Не сразу привык, что действительно можно считать его отцом. Я не знал своих родителей. Конечно, они когда-то существовали, но оставили меня. Или умерли, все могло случиться. Я оказался в приюте, где меня и нашел бывший глава разведки Изельгарда. Он забрал меня с собой, начал обучать своему ремеслу, но мы не были близкими людьми. Наставник? Да. Учитель. Строгий, далекий, недостижимый. С Мейром все было иначе. За то время, что я провел в Литонии, старик неведомым образом сумел пробить брешь в моей защите, и я искренне считал его родным.

— Вижу, Изельгарду неймется, — говорил Мейр, сидя в кресле напротив меня. — Что, Осмонд боится повторить судьбу Илверта?

— Возможно. — Я пожал плечами. — Не знаю. Мне даже на миг показалось, будто он специально решил выслать меня подальше, чтобы не мешался под ногами. Король всегда меня побаивался.

— Еще скажи, для этого не было причины. — Смех Мейра напоминал карканье ворона.

— Была. У Осмонда все еще нет наследников, только дочери. Правда, королева опять беременна, и в Изельгарде уже принимают ставки на пол будущего ребенка.

— Дочери — это выгодно. — Мейр качнул головой. — Особенно для короля. Как бы ни храбрились мужчины, а многие пляшут под дудку женщин. Или же теряют из-за них жизнь, как Илверт.

— Он сам выбрал свою судьбу.

— И не говори, Ники. Но я рад такому исходу. А еще рад, что ты вернулся в Литонию. Понимаю, у тебя будет мало свободного времени, но здесь тебя всегда ждут.

— Спасибо, отец, — ответил я.

Мы просидели почти до полуночи, обсуждая последние дворцовые новости, приспешников королевы и наиболее удобную линию моего поведения. Мейр хорошо знал двор. Он давал дельные советы, и я прислушивался к нему.

— Главное — не позволяй Бранде манипулировать тобой, — говорил отец. — В чем в чем, а в уме королеве не откажешь. Она умеет прикинуться слабой или приблизить того,

кого нужно. Многие поплатились головами за свою неосмотрительность.

— Уж поверь, не позволю, — пообещал я.

Мне было жаль прощаться со стариком, но пора возвращаться во дворец. Я шел по ночным улицам Самарина, которые за годы войны и плена изучил вдоль и поперек. Теперь даже с завязанными глазами не сумею заблудиться. Воспоминания по-прежнему не оставляли. Я думал о том, что судьба могла повернуться и иначе. Поначалу ведь всерьез хотел избавиться от Мейра и бежать в Изельгард, но когда по дороге на нас напали, не задумываясь закрыл старика собой. Увы, без оружия я мало что мог сделать, но мой маневр спас Мейру жизнь, а мне стоил еще одного шрама — на уровне сердца. Пару недель провалялся в бреду, однако старик нашел мага, который выходил меня, и сам не отходил ни на шаг, пока существовали сомнения, выживу или нет. А когда уже пришел в себя, Мейр подолгу сидел у моей постели. Тогда-то мы и разговорились. Он рассказывал о погибших сыновьях и жене, которая не выдержала их смерти и добровольно ушла следом. Я — об Изельгарде. Конечно, о своей должности молчал, как и всегда, но в общих чертах поделился своей биографией. А когда я наконец поправился, Мейр предложил мне называть его отцом, а потом и вовсе официально усыновил, раз уж ни у него, ни у меня никого не осталось. И я ни на минуту не жалел, что согласился.

Впереди показалась громада дворца. Я не любил самаринский дворец. Он выглядел таким изящным снаружи — и таким прогнившим изнутри. Мне нечасто приходилось там бывать, всего лишь пару раз, но этого хватило, чтобы составить общее впечатление. Но сейчас меня призывала туда служба. Я показал пропуск и пошел по лестнице для слуг в отведенные мне помещения. Утром ждало много дел. Надо проверить охрану королевы, выяснить, что представляет собой ее глава, на должность которого я метил, а также кого лучше из этой охраны по-тихому удалить. А еще...

Мысль оборвалась. Там, в полумраке лестницы, кто-то был. Я кожей ощущал его присутствие. Пригнулся, готовясь уйти от любого удара, тонкое лезвие кинжала скользнуло из рукава в руку. Не знаю, почему не ударил. Обычно бил пер-

вым и сразу, а тут сработал инстинкт, и я решил сначала взглянуть на того, кто затаился во тьме. Прыгнул вперед и ухватил за шкуру мальчишку. Все боги Изельгарда! Я чуть не убил ребенка.

— Ты с ума сошел — подкрадываться? — Я встряхнул свою добычу. Сколько ему? Лет семь? Восемь? Темноволосый, какой-то нескладный, худющий и до смерти испуганный.

— Простите, — тихо сказал тот и забился, пытаясь вырваться. — Я не хотел.

Я разжал пальцы, и мальчишка плюхнулся на пол. Ожидал, что разревется, но нет. Поднялся, отряхнул одежонку. Штанишки, курточка, но явно с чужого плеча. Где-то украл?

— Ты кто такой? — спросил грозно, готовясь немедленно восстановить справедливость.

— Я — король. — Он все-таки хлюпнул носом.

Что? Я заморгал, не веря ни глазам, ни ушам. Как король? Что значит — король? Это Илверт?

— Что вы тут делаете, ваше величество? — спросил, склонившись над ним. — В такой час и без охраны?

— Я шел посмотреть на котят. Только маме не говорите, лер!

И темные глаза стали большими-большими. Он боялся матери больше, чем меня?

— Не скажу, — смиростивился я. — Но больше так не делайте. Откуда одежда?

— Выменял, — надулся юный король и запыхтел как чайник.

— На что?

— На пуговицу. Золотую. У поваренка.

Ох ты горе!

— И где ваши котята, ваше величество? — вздохнул я.

— Так здесь же, под лестницей! — просиял мальчишка, схватил меня за руку и потащил за собой.

Мы спустились обратно, и под ступеньками действительно нашли большое гнездышко из старых коробов и ткани, а в нем — кошку с тремя копошащимися комочками.

— Им уже неделя, — похвастался Илверт.

Куда смотрит охрана? Вот уже неделю этот мальчишка ночами шастает по крылу слуг, разглядывая кошку. Чего

стоит убийце подождать его здесь? Даже оружия не понадобится. Одно движение руки — и мальчишке конец. А Илверт склонился над котятами, с детским любопытством разглядывая все семейство. Я не умел обращаться с детьми. Названных племянников видел слишком редко, поэтому не знал, как себя вести.

— Вам пора возвращаться в постель, ваше величество, — сказал я ему. — Вас скоро хватятся.

— Никто не хватится, — отмахнулся он. — Матушка занята, а охрана не зайдет, если я не прикажу.

— А воспитатели?

— Так они спят в это время, — улыбнулся Илверт. — Вы не беспокойтесь, я уже иду назад.

— Нет уж, я вас провожу, ваше величество.

— Хорошо, — не стал сопротивляться тот. — Как вас зовут?

— Ник. Ник Вейс.

— Рад знакомству, лер Вейс.

— Взаимно, ваше величество.

И мальчишка побежал куда-то, ориентируясь во тьме словно кошка. Он завилял по коридорам, потом шмыгнул сквозь какую-то комнату, и мы очутились в огороженном садике.

— Мне туда, — указал он на распахнутое окно.

— Доброй ночи, ваше величество, — пожелал я.

— Вам тоже, лер Вейс, — ответил он и ловко забрался обратно в спальню, а я постоял, убеждаясь, что маленький король не рискнет повторить свою вылазку.

И все-таки Бранда глупа. Учитывая, что вся ее власть — в этом маленьком, темном, как галчонок, мальчике, она должна беречь его как зеницу ока. А Илверт разгуливает по далеко не безопасному дворцу и разговаривает с первыми встречными, признаваясь, кто он. Так не пойдет! Все надо менять, все.

С этими мыслями я вернулся тем же путем и поднялся в свои комнаты. Две комнатушки: гостиная и спальня, и крохотная ванная, совмещенная с уборной. Что ж, телохранителю и это роскошь. Я умылся, разделся и лег. День был богат на впечатления, и я долго смотрел в потолок, раскладывая их по полочкам, пока не уснул.

ГЛАВА 4

Бранда

В эту ночь я была не одна. Да, Мартин, конечно, безнадежно глуп, зато умел доставить удовольствие в постели. Его объятия заставляли ненадолго забыть о государственных делах, накопившихся проблемах и почувствовать себя просто женщиной.

— Вы прекрасны, ваше величество, — шептал он, прикасаясь ко мне, будто к чему-то священному. И мне это нравилось, хоть святой я и не была. Я позволяла Мартину себя любить. Чем не награда? А еще терпела его глупость. Главное — не забеременеть. Вот об этом я заботилась сама. Пила отвары, посещала целителя, раз в месяц обновляя заклинания. Во-первых, само наличие ребенка могло вызвать вопросы. Даже если отдам его на воспитание отцу, мое положение сложно будет не заметить. И уехать куда-нибудь перед родиной не получится — на мне держится страна. Во-вторых, я не хотела больше иметь детей. Хватит мне Илверта. От него целыми днями покоя нет. Такой надоедливый ребенок! Не понимает слова «нельзя». Конечно, я по-своему любила сына, но весь народ — мои дети, и им я тоже была нужна. Во мне видели чужестранку, врага. И что с того? Других претендентов на трон, кроме моего мальчика, все равно не осталось.

— Где витают ваши мысли, моя королева?

Мартина можно было считать красивым ровно до того момента, как он открывал рот.

— Это не твоего ума дело, — ответила я, отодвигаясь. — Пошел вон.

— Но ваше величество...

— Перечитай?

— Нет, что вы.

Мартин быстро оделся и ушел, а я осталась одна. Лежала, глядя на потолок, расписанный лучшими мастерами Литонии. После смерти Илверта я многое поменяла в этом дворце, но все равно казалось, что его тень бродит за мной. А иногда мертвый король мне снился, и в эти ночи я была рада любому. Даже глупому Мартину со щенячьей преданностью в

глазах. Оставалось надеяться, что сегодня Илверт не станет мне сниться.

Я поднялась и пошла в ванную комнату. Можно было кликнуть служанок, но хотелось побыть одной, поэтому открыла кран с теплой водой — дворец мог похвастаться этим чудом техники — и опустилась в ванну. Служанки знали мою страсть к воде и всегда оставляли на ночь вышитые полотенца для своей королевы. Я чувствовала, как отпускает напряжение. Как тело становится легким, воздушным, уходят тревоги.

Больше всего меня беспокоил посланник Осмонда. Надо к нему присмотреться и, если понадобится, найти повод удалить из дворца. Он мне не нравился. С первого взгляда не нравился. Слишком самоуверенный. Ничего, ломала и не таких.

Вода начала остывать, и я вышла из ванны, закуталась в ткань и вернулась в спальню. Надела тончайшую кружевную сорочку и легла в постель. О присутствии Мартина уже ничего не напоминало. Чистейшие простыни, свежая сорочка, пахнувшая цветами. Хорошо иногда быть королевой.

Несмотря на ворох мыслей, уснула я быстро. А проснулась от чужих голосов под окнами. И кому здесь нечего делать? Дернула за шнурок звонка, и в комнату тут же вбежала камеристка.

— Ваше величество... — Она присела в реверансе.

— Что происходит, Лили? — спросила я. — Кто шумит?

— Немедленно узнаю, ваше величество.

И девушка бросилась прочь, а для меня начался ежедневный ритуал. В комнату потянулись придворные дамы, в обязанности которых входил мой утренний туалет. Иногда я чувствовала себя куклой: пока уложат волосы, оденут, обуют. Каждая желала быть поближе к королеве, удостоиться милостивого слова или взгляда. А шум между тем становился все громче.

— Где эта негодница? — прошептала я.

— Ваше величество. — Лили как раз появилась в дверях. — Там ваш личный телохранитель ссорится с начальником дворцовой охраны. Как бы не поубивали друг друга, ваше величество.